

В. М. РОЗИН

**Логика и методология: От «Аналитик» Аристотеля
к «Логико-философскому трактату»
Л. Витгенштейна**

<Фрагменты>

Введение

Сначала я прочел книгу Владимира Бибикина «Витгенштейн: смена аспекта» и лишь затем впервые сам «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна. И вероятно, правильно сделал, даже с помощью Бибикина понять знаменитое произведение Витгенштейна было очень трудно. Впрочем, сам автор трактата предупредил об этом. В 1919 г. он пишет из итальянского плена Бертрану Расселу: «Я написал книгу под названием “Логико-философский трактат”, содержащую всю мою работу последних шести лет. По-моему я, наконец, решил наши проблемы. Это возможно звучит заносчиво, но мне невольно кажется, что все именно так. Я закончил книгу в августе 1918 г. и через два месяца стал *prigioniere*. Рукопись здесь со мной. Мне хотелось бы сделать копию для Тебя; но она довольно длинная и нет надежного способа послать ее Тебе. Да Ты и не поймешь ее без предварительного объяснения, поскольку она написана в виде очень коротких замечаний. (Это конечно значит, что *никто* не поймет ее <...>)¹. Или из другого письма Расселу: «С Фреге я состою в переписке. Он не понимает ни слова из моей работы, и я уже совершенно измучен голыми объяснениями»².

Бибикин объясняет трудности понимания трактата, с одной стороны, тем, каким способом Витгенштейн мыслит и открывает новое (а именно, ловя откровения свыше), с другой — нашей косностью и характером понимания. Вот что он пишет. «Почему Витгенштейн не мог ничего объяснить, ясно из главного принципа всей его работы. Он был избалован проходившими через него откровениями настолько, что умолкал, когда не слышал

¹ Бибикин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005. С. 160.

² Там же. С. 160.

их; объяснять их потом своими словами он уже не мог и не хотел. «Изложение *крайне* сжатое, потому что я фиксировал там только то, что мне — и как оно мне — действительно услышалось»³. В меру посещающих его прозрений, и только, он даст, пожалуй, и объяснения, которые сами тогда будут нуждаться в объяснениях»⁴. А вот, что пишет Биbihин, по поводу способности, точнее неспособности, понимания: «В таком случае еще раз присмотримся к настойчивой, почти навязчивой у Витгенштейна теме непонимания его Трактата. Оно *должно* иметь место. Наша инертность, леность, косность, отсутствие настроения, отказ от понимания *входят в понимание*, заменяя объемность, которую создает зрение двумя глазами. От нашей неохоты и неспособности понять мы не должны отвлекаться. Наша цель не скакнуть от непонимания к пониманию, а сохранить усилие собственной мысли; оно требуется от нас прежде всего. Чтение должно быть не прокладыванием колеи для облегчения доступа, не нивелированием до уровня среднепонятности, а таким же, каким было написание Трактата, когда автор шел от ясности к ясности. Вспышек озарения всегда не хватает, но в промежутках беспросветного непонимания продолжается работа сопоставления и расчистки. В. говорит, что Трактат не поймут, так, словно объявляет его название: непонятый, непонятный Трактат. Таким он и должен оставаться»⁵.

Я готов подписаться под многими утверждениями Биbihина по поводу понимания, но не согласен с последним утверждением, что логико-философский трактат Витгенштейна так и должен остаться непонятым. И Биbihин написал целую книгу, разъясняя трактат, и я вот пишу, отчасти, с той же целью. Сквозь призму книги Биbihина я многое понял из Витгенштейна, но сказать, что трактат стал для меня ясным до конца, я все же не могу⁶.

³ «Die Darstellung *aufierst* gedrängt, da ich nur das darin festgehalten habe, was mir — und wie es mir — wirklich eingefallen ist» (письмо Людвигу Фикеру, предположительно середина октября 1919 г.).

⁴ Биbihин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 161.

⁵ Там же. С. 164. Обращаем внимание, что В. В. Биbihин порой сокращает фамилию «Витгенштейн» до «В.», а также пишет название сочинение «Логико-философский трактат», как «Трактат» и без кавычек. — *Ред.*

⁶ В. А. Суровцев отмечает, что ранние вещи Витгенштейна не отличались особенной ясностью, что можно понять, поскольку, если судить по введению, они были рассчитаны на понимание лишь одного человека, Б. Рассела. Правда, последующая расшифровка исследователей сделала более понятными отдельные высказывания Витгенштейна, но мало кто не согласится с классификацией, использованной Э. Стениусом. Последний различил три типа предложений. Первые, которые он думает, что, понял и которые

Зато постепенно я вышел на собственное осмысление логико-философского трактата, о чем и хочу здесь рассказать⁷. Но у меня еще несколько задач.

Одна из них — я хочу понять, в каком направлении развивалась формальная логика, и том числе в качестве методолога, отношение логики к методологии. Дело в том, что в античной философии в работах Аристотеля расходятся то, что мы сегодня относим к логике (а у Стагирита — это система правил рассуждения, собранных в «Первой Аналитике») и то, что мы скорее отнесем к методологии («Вторая Аналитика» и разбросанные по разным работам, особенно, в «Физике», «О душе» и «Метафизике» методологические соображения). Но уже у Платона мы находим методологические рассуждения, функция которых направлять мысль. Поясняя в диалоге «Федр» примененный им метод познания любви в «Пире», включающий два вида мыслительных способностей, Платон пишет, что один — «это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения». Рассуждая об Эроте, Платон именно так и поступил: «сперва определил, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стал рассуждать; поэтому-то рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе. Второй вид — это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части»⁸. <...>

Истолкование Бибихиным «Логико-философского трактата»

В книге Бибихина есть прямая полемика с методологическим подходом, т. е. со мной, ну, вероятно, не прямо со мною, а с моим учителем Г. П. Щедровицким, создателем самой значительной в XX столетии школы методологии (Московским методологическим кружком).

считает важными. Вторые, которые считает тоже понятными, но оценивает как ложные. Третьи, которые Стениус не понимает и поэтому не может оценить. И, четвертые, которые, с одной стороны кажутся понятными, а с другой — так определены, что их невозможно принять или отвергнуть (см.: *Суровцев В. А.* Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Томск, 2001).

⁷ При этом, поскольку я понял Витгенштейна посредством Бибихина, я буду опираться на его книгу. Но, естественно, и на свои исследования.

⁸ *Платон.* Федр // Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 176.

С точки зрения Бибикина, не имеет смысла распредмечивать наши представления, чтобы создать «леса» и правила, опираясь на которые человек будет мыслить более эффективно и правильно. В самом языке и его построениях (фразах), утверждает Бибикин вслед за Витгенштейном, уже заключена логика, она не направляющие и рельсы, по которым мы сознательно катим свою мысль, а имманентное, бессознательное свойство нашего языка и речевого выражения. Логика не как правила и методология, а тавтологическое содержания языка и его фраз. Проиллюстрирую сказанное. Вот полемика с методологией, думаю, со Щедровицким, автором концепции «мыследеятельности» и «оргдеятельностных игр». <...>

Витгенштейн надеялся добраться до тождества в означаемом через логическое в знаке и заметил, вглядываясь, что знак всегда подан по-разному способом его применения. Оказалось, что логически тем же, что означаемое, должны быть оба вместе, знак и способ его применения. Задача затрудняется не умножением моментов, за которыми надо следить (следили за одним знаком, теперь их оказалось два, внешний и внутренний), а интересным образом: требуя новых упражнений в невидимом и отчета о том, что принципиально не показывает себя. Ситуация красивая: чем глубже исследование, тем больше оно имеет дело с целым»⁹.

«Тождество ускользнуло во внутреннее отношение, а это последнее, т. е. способ применения знака, — во всеобщую фразовую форму, которую разглядеть невозможно. В витгенштейновской логике все наметившиеся было схемы исчезают, растворяясь в простоте»¹⁰. «Логическая форма переместилась во “внутреннее отношение”. Оно, не забудем, не поддается описанию, потому что знаки, используемые для описания, потребуют опять же способа их применения. Внутренним отношением, или логической формой, определяется предмет (Gegenstand), который можно понимать как цель речи»¹¹.

Интересно, а что такое «внутреннее отношение»? Если это способ, как поясняет Бибикин, «применения знака», то почему такое применение нельзя проанализировать, в этом бы случае эту форму можно было бы и разглядеть? Свои мысли Бибикин подкрепляет и критикой методологической установки на модернизацию мышления. Действительно, например, Кант в «Критике чистого разума» ставит задачу реформирования метафизики,

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Бибикин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 62.

¹¹ Там же. С. 63.

а Щедровицкий хочет реформировать не только философию, но и науки и все остальные мыслительные практики¹². Напротив, с точки зрения Бибикина, Витгенштейн не ставит своей целью что-то менять, а только приводить в порядок уже существующее.

«Вокруг понимания Трактата, — пишет Бибикин, — замеченного публикой после выхода в Англии на двух языках с предисловием Рассела, сразу начались расхождения, после чего у Витгенштейна навсегда прекратилось желание печататься. Рассел в своем предисловии представил его продолжателем дела всеобщей чистки философии, религии, этики, начиная с их языка, ради новой свободы; сначала перестановка всего на математизированные основания, потом строительство на незараженном метафизикой месте. Витгенштейн такой чистки не планировал. Пусть все останется как есть. Нет двух задач, работа одна: развязывание узлов, разбор завалов. Рядом с обычным языком не нужен никакой другой, тем более искусственный. От естественных наук В. ушел в философию. Логика не инструмент для работы с понятиями, не рельсы для движения мысли; между ней и действительностью не надо наводить мостов. Витгенштейновская логика оставляет естественный язык в полной силе, никакой нормой в него не внедряется, не связывает его ничем кроме предельного внимания. Эта логика не нормирует язык и не предлагает ему схем»¹³. <...>

Однако Бибикин вслед за Витгенштейном понимает логику совершенно иначе, чем я. И, возможно, не совсем так, как автор логико-философского трактата. Понять, что такое логика, и аристотелевская и современная, — еще одна задача, которая

¹² Сравни. «Задача этой критики чистого разума, — пишет Кант, — состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей <...> если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний» (*Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 91–92).

«Развитая таким образом методология, — утверждает Щедровицкий, — будет включать в себя образцы всех форм, способов и стилей мышления — методические, конструктивно-технические, научные, организационно-управленческие, исторические и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин — теории мышлелеательности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знания, теории коммуникаций и взаимопонимания*» (*Щедровицкий Г. П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995. С. 152–153).

¹³ *Бибикин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. С. 122.

меня занимает. По поводу логики Бибихин специально цитирует Витгенштейна и интересно комментирует его. С точки зрения Бибихина, Витгенштейн понимает логику, с одной стороны, как *тавтологию*, не нуждающуюся во внешнем обосновании; в этом отношении логика напоминает музыку. Тем не менее, хотя тавтология не нуждается в обосновании, она еще *должна быть выявлена средствами записи логического языка*. Очевидно, Бибихин думает, что музыка понимается совершенно без всяких пояснений и объяснений; что она ничего не обозначает, кроме себя самой; не требует интерпретаций в отношении выражаемого. Вряд ли с этим согласятся музыковеды, да и музыканты. В то же время, чтобы записать и сочинять музыку, нужен язык музыкальной нотации, вероятно, ему и уподобляется логический язык формул и преобразований.

Но логика по Витгенштейну в объяснении Бибихина — это еще и *речь, точнее фразы, самой своей структурой показывающие на себя (тавтология) и тем самым на мир; при этом последний конституируется и испытывается фразами на «да» (истина) или «нет» (ложь)*. Отношение между фразами и миром (его событиями) понимаются Витгенштейном двояко. Во-первых, логические конструкции, совпадающие с фразами, выступают как направляющие (задающие) события мира (факты). Во-вторых, как семиотические образования, где означаемое и означающее принципиально совпадают (тем самым объясняется и тавтологичность логики и конструктивность в отношении событий мира). Наконец, с третьей стороны, логика по Витгенштейну — это и *этика жизни*. Понять последнее еще труднее, чем две первые характеристики. Но послушаем Витгенштейна и Бибихина. «Логика, должна обеспечивать (предусматривать, обуславливать) сама себя. <...> Логика должна уметь позаботиться о самой себе. <...> Мы, по-видимому, в известном смысле не можем ошибиться в логике. Это отчасти уже выражено в словах: логика безусловно обеспечивает сама себя. Это необычайно глубокое и важное познание. Еще раз: потому что логика должна обеспечивать сама себя. Возможный знак с необходимостью сразу же и обозначает. Все, что вообще возможно, тут же и легитимно (позволено)¹⁴.

Мелодия есть род тавтологии, она заключена в самой себе; она удовлетворяет (*befriedigt*) сама себя (4.3.1915)¹⁵. «Готовя формулу Трактата, — пишет Бибихин, — “Записи о логике” 1913 г. определяют пропозицию как мерную линейку, в отношении

¹⁴ Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 81.

к которой стоят факты. Факт подобен стрелке, указывающей туда же, куда указывает стрелка пропозиции, или в противоположном смысле (направлении, Sinn). Полезно помнить, что в начале XX в. машины имели стрелку над крышей, которую водитель поворачивал изнутри, обозначая намеченный маневр. Выставляя символ xRy , я прочесываю факты, состоящие из всевозможных отношений между вещами, сначала на наличие отдельных вещей, которые отвечают именам x , y . Потом, если такие вещи нашлись, я прочесываю их на наличие между ними отношения R . При несовпадении с фактом символ ложь, при совпадении истина¹⁶. $\langle \dots \rangle$ Факт имеет смысл стрелки, указывающей в одну или противоположную сторону. Например, в кубе Некера факт — это выдвинутость вперед плоскости $aaaa$; другой факт — выдвинутость вперед плоскости $bbbb$. $\langle \dots \rangle$ Плоскость выдвигается вперед без изменения куба. «Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым»¹⁷. Предложение прежде всего ориентирующая стрелка и потому тоже факт. В. не строит систему, а приглашает понять, что суждения определяют наш мир. $\langle \dots \rangle$

«Фраза есть мера мира. Она проба действительности, иногда (как старинное слово) очень глубокий зонд, иногда мелкий. На стадии рисунка она пока еще не истина и не ложь. Допустим, она рисунок процесса, и вот рисунок не годится, не согласуется с процессом; так бывает, даже часто бывает так. Но если не согласуется, как его можно считать, пусть неверным, рисунком того процесса? ведь он, строго говоря, не его рисунок? Ответ: как годный рисунок делало рисунком действительности наше да ему, так негодный — наше нет. Отрицая его, мы делаем его рисунком именно той действительности, несогласование его с которой констатируем!»¹⁸

«Но фразы логики — и только они, — пишет Витгенштейн в письме к Расселу в конце 1913 г., — имеют то свойство, что их истинность, соответственно ложность, выражается уже в их знаке. Мне еще не удалось найти для тожества обозначение (Bezeichnung), удовлетворяющее этому условию; однако я не сомневаюсь, что такой способ обозначения должен отыскаться»¹⁹. $\langle \dots \rangle$

В коротком декабрьском письме Расселу сразу после слов о музыке редкое признание. «Ты слышал Героическую (3-я симфония

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 1.21.

¹⁸ Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 37.

Бетховена или 4-я последняя Брамса)! Что ты подумал (gesagt) о второй фразе? она невероятна, не правда ли? — Разве не совершенно удивительно, какая великая и бесконечно своеобразная наука логика; я думаю, ни Ты ни я не понимали это полтора года назад.» Как здесь логика рядом с музыкой, так в другом месте она рядом с поэзией: «Философию надо было бы собственно только писать стихами» (Philosophic durfte man eigentlich nur dichten). И предположительно январь 1914 г. из Норвегии: логика не отдельна от жизни и не отдельна от моего человечества. В контексте этой последней цитаты она рядом с поэзией (Мерике и Гете)²⁰. <...> «Мы имели бы право говорить о принадлежности Витгенштейна к школе Фреге и Рассела, если бы он проверял истинность или ложность высказывания наблюдением действительности. Но по В. высказывание сначала истинно или, что то же самое, ложно, и только тогда его можно отнести к конкретному факту. Только войдя в логическое пространство, фраза начинает зондировать действительность. Шансов быть понятым метрами формальной логики у В. было очень мало, вернее сказать, вовсе никаких. Напечатание Трактата объяснялось либерализмом Рассела и тем же недоразумением, какое продолжается до наших дней в общей массе витгенштейновских штудий. Почувствовать упрямоту В. дает его ранняя переписка, где он вопреки Расселу отказывается отделять логику от этики. В. уравнивал абсурд войны тем, что сам добровольно бросил себя в настоящий риск; он лежал в госпитале и воевал на передовой, почти год провел в итальянском плену. Все это время пишется Трактат как одно сплошное усилие не сказать, а показать его главный, этический смысл. Самые важные мысли в нем те, которые намеренно не введены в текст; или в другой формулировке: этика, главное содержание Трактата, огорожена изнутри; разворачиваются только подходы к ней»²¹. <...>

Работа Бибикина интересна еще и в том отношении, что она позволяет вернуться к обсуждению очень актуального для современной методологии вопроса о природе модернизации текста другого автора. Ситуация здесь такая. Есть некоторый автор, предположим Витгенштейн, и другой, скажем Бибикин, истолковывающий высказывания первого автора. При этом второй автор приписывает первому определенные намерения и взгляды, которые непосредственно в его тексте не просматриваются. Или другой вариант — предлагает необычный перевод и прочтение

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Там же. С. 157–158.

текста. Спрашивается, когда истолкование и перевод законны, в том смысле, что не искажают первого автора, не заменяют его конструкцией второго, а когда они уже незаконны? Например, Бибихин явно приписывает Витгенштейну феноменологические и кантианские мотивы и формы мысли, кроме того, заменяет немецкое «satz», обычно переводимое как «предложение», на «фразу», а «bild», переводимое как «образ», на «рисунок», в значении почти «схемы»²².

Действительно, с точки зрения феноменологии, если исследователь сможет правильно установиться (очистить свое сознание от предпосылок), то предмет сам выйдет ему навстречу. При этом М. Хайдеггер добавляет такое положение — предмет на самом деле сокрыт («потаен»), познание же, начиная с Аристотеля, есть его обнаружение («раскрытие потаенного»). Чуть ли не главную роль в его раскрытии играет язык и речь. <...>

С точки зрения Бибихина, следующего здесь за Хайдеггером, Витгенштейн воспроизводит подход Аристотеля, причем именно в варианте феноменологии. С точки же зрения Швайдера, отмечает В. А. Суровцев, философия Витгенштейна была кантианской от начала и до конца. Более конкретно и сдержанно оценивает подход Витгенштейна исследователь аналитической философии Д. Пэрс, говоря, что хотя для Витгенштейна философия представляла критику языка, однако, в его раннем творчестве можно увидеть другую трактовку, а именно, понимание языка как предзаданной реальности, что, вероятно, было заимствовано из докантианского источника²³.

И каким образом, если не в духе Канта (или навеянные этим духом), можно понять следующие размышления Бибихина? «Непознаваемость вещей, — пишет Бибихин, — была давно убеждением Витгенштейна. Об этом на 16-й день своего знакомства с ним упоминает Рассел в письме-отчете леди Оттолине Морель 2.11.1911: “Мой немецкий инженер, мне кажется, — просто дурак. Он думает, что ничто эмпирическое не может быть познано. — Я попросил его согласиться (ассерт), что в этой комнате нет носорога, но он не согласился”. Вещи тонут с приближением к ним в непознаваемости. Если нельзя доказать даже, что в этой комнате нет носорога, то нет возможности поделить вещи на существующие и несуществующие, не говоря уже о более деталь-

²² См.: Розин В. М. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.

²³ См.: Суровцев В. А. Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна. Автореф. дис. ... доктора философских наук. Томск, 2001).

ных классах. Наука воображаемо схватывает действительность издали в схемах, вблизи любой предмет полностью захватывает себе внимательного наблюдателя. <...> Высказывание есть рисунок, или набросок, в котором мы, пробуя мир, составляем вещи, стремясь вовсе не обязательно к тому, чтобы они составились как в действительности. Что мы пробуем? Чтобы *получилось*; чтобы было *лучше*. Сами ли мы при этом удваиваем действительность? Нет. Не мы создали помимо действительности другой второй символический мир, а с самого начала всегда уже имели дело с *двумя*. Действительность исходно отмечена лишением. Сама по себе она ничего не значит. Чтобы сделать ее значащей, нужны существа, составляющие ее рисунки. Как существа, имеющие такое свойство, мы принадлежим действительности. Тождество логического рисунка и действительности развертывается на фоне ее исходного раздвоения. Речь не добавление, пристроенное к вещам задним числом. Действительность сама исключила свой знак. За нее отвечаем мы. Без тождества знака и означаемого эта задача невыполнима. Полным будет никогда не содержательное, а только логическое тождество. Рисунок никогда не станет тем же, что действительность. Он, однако, может оказаться *тем самым*»²⁴. <...>

Так вот, повторяю еще раз вопрос. Законны ли подобные толкования и переводы Витгенштейна? Можно ли сказать, что, по сути, он был кантианцем или феноменологом? Правильно ли сделаны переводы Бибикина (не в смысле его компетенции как знатока немецкого языка, а в плане выбора значений и их толкования, что уже больше относится к содержательной стороне логики и мышления)? Действительно, с одной стороны, Бибикин показывает, что Satz имеет десять разных значений, не сводимых друг к другу, с другой — он почему-то заменяет их одним значением — «фраза», тем самым, обрезаая все остальные значения.

В связи с этими вопросами возникает и еще один, как, собственно говоря, развести Бибикина и Витгенштейна? Вряд ли они решают общие задачи и видят все одинаково. Несколько лет тому назад я столкнулся с похожей, но более сложной задачей, анализируя феномен множественной личности, описанный в книге Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Помимо анализа феномена множественной личности, я хотел показать, как непросто в наше время понять, что же было *на самом деле*. С одной стороны, мы должны доверять свидетелям, рассказывающим о своих или чужих состояниях и поступках (например, как

²⁴ Бибикин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 30, 58.

Билли рассказывал о своих «людях», а Дэниэл Киз об истории Билли), с другой — не принимать на веру все, что они говорят, а критически осмысливать их воспоминания или утверждения. Тогда можно понять более глубокие вещи, скажем, то, что Миллиган в ответ на требования юристов, психиатров и писателя выдавал им очередную свою псевдоличность (исходного Билли и Учителя), или что Дэниэл Киз для написания своей книги создал личный миф Миллигана, который Билли в лице Учителя тут же отыграл обратно Кизу, но уже как собственную историю жизни²⁵. При этом нужно учитывать и позицию самого исследователя (в данном случае мою). «На самом деле» — это результат удачной и правдоподобной реконструкции, а не созерцания того, что на самом деле было или выражено в тексте.

Различие моего истолкования «Трактата» и истолкования Бибикина в следующем. Бибикин разъясняет Витгенштейна, предполагая, что последний мыслит совершенно правильно, безошибочно (иначе бы трактат, говорит он, не оказал такого влияния). При этом он старается, вероятно, в соответствии с принципами феноменологического подхода, показать, что мышление и сознание Витгенштейна не столько дискурсивны, сколько образны, картинны, иконически, репрезентативны; разворачиваются как рационально и по правилам, так и во внутреннем плане, тавтологически, и поэтому не могут быть ясно описаны. А так же и потому, что любые описания сужают и искажают живое мышление.

Я же, напротив, сознательно осуществляю реконструкцию того, что делает Витгенштейн. И не только. Поскольку меня интересует судьба логики, я буду намечать (тоже в реконструкции) некоторые этапы становления европейской логики. Но предварительно намечу целое, которое я буду обсуждать в рамках реконструкции, а также этапы реконструкции. <...>

²⁵ См.: Розин В. М. Феномен множественной личности: По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». 2-е изд. М., 2013.